

Научная статья

УДК 332.12

JEL R12, R11

DOI 10.25205/2542-0429-2024-24-4-141-160

Неоднородная и асимметричная реакция муниципалитетов Новосибирской области на шоки 2020–2022 годов

Евгения Анатольевна Коломак

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
Новосибирск, Россия

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

ekolomak@academ.org, <https://orcid.ID/0000-0002-2230-852X>

Аннотация

В работе изучается реакция муниципальных образований Новосибирской области на шоки пандемии коронавируса в 2020 г. и второй волны санкций в 2022 г., и тестируется гипотеза об универсальности адаптационных свойств их экономик. Исследование пространственной неоднородности отклика на внешние шоки позволяет дать оценку общей устойчивости экономической системы. Индикатором экономической активности муниципалитета выступал показатель отгрузки товаров собственного производства, выполнения работ и услуг. На его основе оценивалась реакция на шок и восстановление деловой активности территории после шока. И реакция на шоки и восстановление экономики муниципалитетов было крайне неоднородным. Воздействие ограничений, вызванных коронавирусом, было более сильным по сравнению с санкциями 2022 г. как с точки зрения сокращения выпуска, так и по уровню гетерогенности компенсационного отклика. Карты, демонстрирующие распределение шоковых воздействий по муниципалитетам и восстановление после них, не выявили пространственных закономерностей. Неоднородной была реакция и условного «центра» и условной «периферии» области, не выделялись и крупные пространственные кластеры с близкими показателями динамики. Сопоставление степени потрясения и уровня восстановления после шоков не подтвердило предположения об универсальной устойчивости муниципалитетов, адаптационные характеристики различались, и многие территории продемонстрировали асимметричную реакцию на потрясения 2020–2022 гг. Корреляционный анализ не выявил значимых зависимостей устойчивости к шоку и последующего восстановления от экономических, структурных и институциональных особенностей территории. Очевидно, основную роль в преодолении кризисов играли субъективные факторы: личная инициатива и предприимчивость населения и местных органов власти. Асимметричность реакций на шоки 2020–2022 гг. может быть связана с тем, что адаптационные механизмы, апробированные во время коронавируса, были задействованы в период санкций. Необходимость же в выработке устойчивой модели развития осознавалась там, где отрицательные последствия пандемии были сильнее.

© Коломак Е. А., 2024

Ключевые слова

внешний шок, устойчивость, восстановление, гетерогенность, муниципальное образование, регион, эмпирический анализ

Финансирование

Исследование выполнено в рамках проекта НИР ИЭОПИ СО РАН №124102100603-0 «Экспертно-аналитические, организационные и методические составляющие системы индикативного планирования научно-технологического и сбалансированного пространственного развития России при реализации крупных инвестиционных проектов».

Для цитирования

Коломак Е. А. Неоднородная и асимметричная реакция муниципалитетов Новосибирской области на шоки 2020–2022 годов // Мир экономики и управления. 2024. Т. 24, № 4. С. 141–160. DOI 10.25205/2542-0429-2024-24-4-141-160

Heterogeneous and Asymmetric Response of Municipalities of the Novosibirsk region to the shocks of 2020–2022

Eugenuya A. Kolomak

Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS,
Novosibirsk, Russian Federation

Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russian Federation

ekolomak@academ.org, <https://orcid.ID 0000-0002-2230-852X>

Abstract

The paper examines the reaction of municipalities in the Novosibirsk region to the shocks of the COVID pandemic in 2020 and the second wave of sanctions in 2022 and tests the hypothesis of the universality of the adaptive properties of their economies. The study of the spatial heterogeneity of the response to external shocks allows us to assess the overall stability of the economic system. The indicator of the municipality's economic activity was the indicator of the own production, the provision of works and services. Based on this indicator the reaction to the shock and the restoration of business activity of the territory after the shock were evaluated. Both the response to the shocks and the recovery of the municipalities' economies have been extremely heterogeneous. The impact of restrictions caused by coronavirus was stronger compared to the 2022 sanctions, both in terms of output reduction and the level of heterogeneity of the compensatory response. Maps showing the distribution of shock effects across municipalities and recovery from them did not reveal spatial patterns. The reaction of both the conditional "center" and the "periphery" of the region was heterogeneous, large spatial clusters with similar dynamics were not distinguished as well. A comparison of the degree of shock and the level of recovery after shocks did not confirm the assumption of universal sustainability of municipalities, adaptation characteristics differed, and many territories demonstrated an asymmetric response to the shocks of 2020–2022. The correlation analysis did not reveal significant dependencies of shock resistance and subsequent recovery on the economic, structural and institutional characteristics of the territory. Obviously, the main role in overcoming crises was played by subjective factors: personal initiative and entrepreneurship of the population and local authorities. The asymmetry of reactions to the shocks of 2020–2022 may be because the adaptation mechanisms tested during the coronavirus were involved during the sanctions period. The need to develop a sustainable development model was realized where the negative effects of the pandemic were stronger.

Keywords

external shock, sustainability, recovery, heterogeneity, municipality, region, empirical analysis

Funding

The article was carried out under the research plan of the Institute of Economics and Industrial Engineering Siberian Branch RAS, project "Expert-analytical, organizational and methodological components

of the system of indicative planning of scientific and technological and balanced spatial development of Russia in the implementation of large investment projects" №. №124102100603-0

For citation

Kolomak E .A. Heterogeneous and asymmetric response of municipalities of the Novosibirsk region to the shocks of 2020–2022. World of Economics and Management, 2024, vol. 24, no.4, pp. 141–160. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0429-2024-24-4-141-160

Введение

Экономика России в течение уже длительного периода подвергается серьезным испытаниям на устойчивость к неожиданным внешним воздействиям разной природы. После мировой рецессии 2009 г. и антироссийских санкций 2015 г. еще более крупными системными шоками последних лет стали пандемия COVID-19, которая в 2020 г. затронула практически все сферы социально-экономической активности, и вторая волна санкций 2022 г., задействовавших экономические, финансовые, институциональные, технологические и политические каналы давления на страну.

Влияние спонтанных или целенаправленных потрясений на экономику зависит от адаптационных возможностей и гибкости производственного и технологического комплекса территории. Существенная пространственная неоднородность России по всем характеристикам социально-экономического развития является причиной того, что степень влияния глобальных и макроэкономических потрясений, а также действенность механизмов направленных ограничений и барьеров в значительной мере определяются спецификой локальных процессов. Региональная проекция внешних шоков зависит от отраслевой структуры производства, размера и особенностей материальных, трудовых, интеллектуальных и ресурсных активов, институциональных условий, инициативы и креативности местных властей. И некоторые неблагоприятные условия и обстоятельства с точки зрения макроэкономического охвата могут оказаться благоприятными для отдельных регионов. Известно, что кризис создает не только проблемы, но и раскрывает новые возможности, которые существенно различаются по регионам.

По этой же причине успешное или относительно безболезненное преодоление регионом одного кризиса не означает благополучного прохождения шоков другой природы. Вопрос об универсальной устойчивости социально-экономической системы территории к разным механизмам и формам внешних воздействий требует изучения. Исследование уровня, характера и пространственной неоднородности реакции на внешние шоки позволяет оценить общую комбинированную устойчивость, выявить ресурсы эффективной адаптации, что дает возможность снизить риски неблагоприятных исходов в будущем.

В данной работе изучается реакция экономик муниципальных образований Новосибирской области на последовательные системные шоки, имевшие место в 2020 и в 2022 гг. Особенности откликов субъектов Российской Федерации на пандемию COVID-19 и на масштабные антироссийские санкции достаточно активно обсуждаются в литературе. При этом аспект межмуниципальных различий не получил такого внимания в публикациях, несмотря на то, что внутрирегиональная дифференциация в России – существенно выше, чем межрегиональная.

Обзор литературы

Реакция открытой экономики на внешние шоки и ее способность адаптироваться к ним находит в литературе отражение с использованием таких понятий, как устойчивость [1], шокоустойчивость [2–4] и резильентность [5–7]. Последний термин предполагает не только способность создать эффективный барьер негативному воздействию и последующее восстановление деловой активности, но и модернизацию на новой основе, обеспечивающей рост и адаптивные свойства в изменившейся внешней среде. Эволюция и подходы к концепции резильентности, а также факторы, определяющие это свойство экономической системы, обсуждаются в работах В. В. Акбердиной [5] и С. Ю. Высоцкого [6]. Авторы предполагают, что разная природа кризисных явлений требует разных внутренних резервов и условий, обеспечивающих устойчивость экономики. В качестве индикаторов адаптационных свойств регионов используются динамика ВРП [8; 9], рост промышленного производства и отдельных отраслей [1], темпы роста базовых видов экономической деятельности [10], изменение бюджетных доходов и уровень безработицы [1], а также реальные доходы населения [1; 12].

Сравнение устойчивости российских регионов к кризисам 2009 и 2015 гг. с использованием критерия сохранения или восстановления докризисного уровня ВРП привело к заключению об универсальности адаптационных способностей регионов и их независимости от особенностей и причин кризиса [9]. В другой работе, где изучается развитие регионов в период рецессии 2008–2010 гг. и пандемии COVID-19 в 2019–2021 гг. на основе оценок динамики ВРП, делается вывод об отсутствии такой закономерности [8]. Так как имела группа регионов, успешно преодолевшая один вызов, но не справившаяся с другим, при этом признается, что присутствовали регионы со стабильно средними показателями адаптации к обоим шокам.

Вывод об адаптационных свойствах экономической системы может зависеть не только от рассматриваемого периода, но и от географической единицы анализа. Крупные территориальные образования имеют ресурс перераспределения выгод и издержек кризиса благодаря возможности определенного пространственного маневра. Небольшие экономики, к которым относятся многие муниципальные образования, более уязвимы, так как располагают более узкой базой, на которой достигается стабильность. Поэтому тестирование гипотезы об универсальной устойчивости к внешним шокам применительно к ним накладывает более жесткие ограничения.

Понимание адаптационных способностей к неожиданным изменениям внешней среды в широком смысле предполагает оценку не только немедленной реакции, но и потенциал территории к быстрому восстановлению и экономическому росту. Поэтому оценим не только изменение масштабов деловой активности в муниципалитетах Новосибирской области в 2020 и 2022 гг., когда имели место, соответственно, шоки пандемии коронавируса и второй волны антироссийских санкций, но и восстановление экономики в течение следующего года.

**Реакция муниципальных образований Новосибирской области
на шоки в 2020 и 2022 годах**

Официальная муниципальная статистика не предоставляет индикаторы общего выпуска продукции или объема вновь созданной стоимости, аналогичные разрабатываемым для регионов и страны в целом. Поэтому оценки экономической активности для муниципальных образований строились на основе показателя отгрузки товаров собственного производства, выполнения работ и услуг собственными силами без субъектов малого предпринимательства в текущих ценах, источником которого является база данных муниципальных образований Росстата.

В качестве отклика муниципалитетов на шоки 2020 и 2022 гг. рассматривался темп роста отгрузки товаров и выполнения услуг по сравнению с 2019 и 2021 гг. соответственно. Расчеты показали, что непосредственная реакция районов и городских образований области как на пандемию коронавируса, так и на вторую волну санкций была неоднородной. В 2020 г. 19 муниципалитетов испытали падение деловой активности, а в 16 наблюдался ее рост. В 2022 г. в 7 муниципалитетах имело место снижение и в 26 – увеличение выручки (табл. 1).

Таблица 1

Темпы роста отгрузки товаров и выполнения работ и услуг в 2020 и в 2022 гг.

Table 1

Growth rate of shipment of goods and performance of works and services
in 2020 and 2022

Муниципальные образования, демонстрировавшие падение выручки в 2020 г. по сравнению с 2019 г.		Муниципальные образования, демонстрировавшие рост выручки в 2022 г. по сравнению с 2021 г.
1		2
город Искитим – 0,94 город Новосибирск – 0,99 город Обь – 0,75 Баганский муниципальный район – 0,99 Барабинский муниципальный район – 0,85 Венгеровский муниципальный район – 0,97 Доволенский муниципальный район – 0,97 Искитимский муниципальный район – 0,82 Каргатский муниципальный район – 0,93	совпадение	город Искитим – 1,38 город Новосибирск – 1,13 город Обь – 1,19 Баганский муниципальный район – 1,13 Барабинский муниципальный район – 1,16 Венгеровский муниципальный район – 1,07 Доволенский муниципальный район – 1,14 Искитимский муниципальный район – 1,37 Каргатский муниципальный район – 1,40

Продолжение табл. 1

1		2
Колыванский муниципальный район – 0,98 Коченевский муниципальный район – 0,23 Куйбышевский муниципальный район – 0,88 Купинский муниципальный район – 0,68 Кыштовский муниципальный район – 0,73 Черепановский муниципальный район – 0,97	совпадение	Колыванский муниципальный район – 1,30 Коченевский муниципальный район – 2,88 Куйбышевский муниципальный район – 1,14 Купинский муниципальный район – 1,89 Кыштовский муниципальный район – 1,08 Черепановский муниципальный район – 1,13
Болотнинский муниципальный район – 0,96 Краснозерский муниципальный район – 0,97 Северный муниципальный район – 0,51 Чистоозерный муниципальный район – 0,80	различие	город Бердск – 1,05 Здвинский муниципальный район – 1,26 Карасукский муниципальный район – 1,10 Мошковский муниципальный район – 1,68 Новосибирский муниципальный район – 1,20 Ордынский муниципальный район – 1,03 Сузунский муниципальный район – 1,02 Тогучинский муниципальный район – 1,13 Убинский муниципальный район – 1,24 Усть-Таркский муниципальный район – 1,08 Чановский муниципальный район – 1,56 Чистоозерный муниципальный район – 1,23 Чулымский муниципальный район – 1,10

Окончание табл. 1

Муниципальные образования, демонстрировавшие рост выручки в 2020 г.		Муниципальные образования, демонстрировавшие падение выручки в 2022 г.
рабочий поселок Кольцово – 1,25 Кочковский муниципальный район – 1,25 Маслянинский муниципальный район – 1,15 Татарский муниципальный район – 1,03	совпадение	рабочий поселок Кольцово – 0,89 Кочковский муниципальный район – 0,85 Маслянинский муниципальный район – 0,98 Татарский муниципальный район – 0,98
город Бердск – 1,05 % Здвинский муниципальный район – 2,87 Карасукский муниципальный район – 1,04 Мошковский муниципальный район – 1,33 Новосибирский муниципальный район – 1,02 Ордынский муниципальный район – 1,21 Сузунский муниципальный район – 1,01 Тогучинский муниципальный район – 1,15 Убинский муниципальный район – 1,54 Усть-Тарковский муниципальный район – 1,09 Чановский муниципальный район – 1,06 Чулымский муниципальный район – 1,04	различие	Болотнинский муниципальный район – 0,83 Краснозерский муниципальный район – 0,93 Северный муниципальный район – 0,99

Источник: база данных муниципальных образований Росстата.

Новосибирская область в целом проявила относительно лучшую устойчивость к санкционным ограничениям по сравнению с шоком пандемии коронавируса, которая оказала более сильное краткосрочное негативное влияние на экономику. В 2020 г. наблюдалось абсолютное падение выпуска товаров и услуг, а в 2022 г. произошло лишь замедление темпов роста на территории региона. Индекс выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности по отношению к предыдущему году для всей Новосибирской области в 2020 г. составил 97,9 %, а в 2022 г. – 101,2 % (табл. 2).

Таблица 2

Индекс выпуска товаров и услуг по базовым видам
экономической деятельности по Новосибирской области
(к соответствующему периоду предыдущего года, %)

Table 2

Index of output of goods and services by basic types of economic activity in the
Novosibirsk region (compared to the corresponding period of the previous year, %)

Год	Значение
2018	104,4
2019	104,2
2020	97,9
2021	116,3
2022	101,2
2023	106,1

Источник: Росстат.

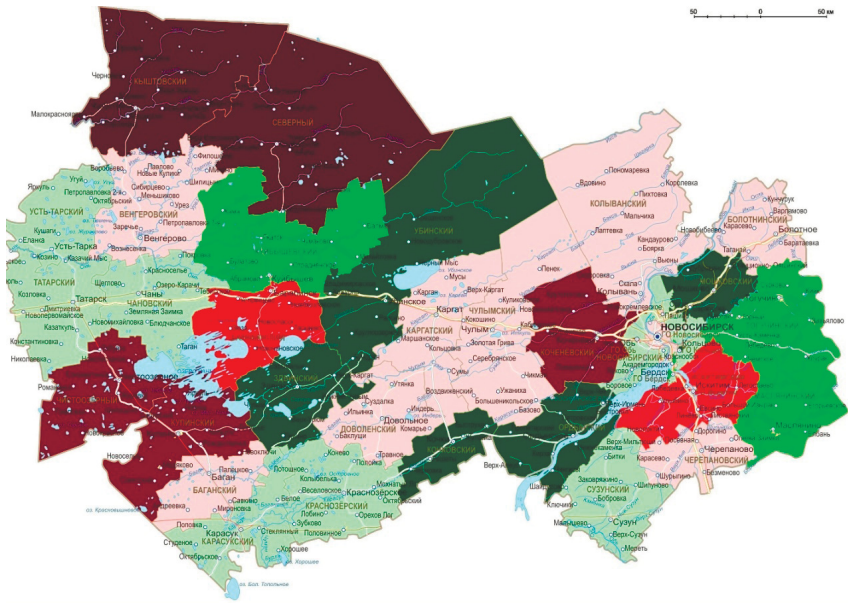

Рис. 1. Темпы роста отгрузки товаров, выполнения работ и услуг в 2020 г.

Зеленый цвет отражает рост, красный – снижение. Более темный оттенок отражает более высокие темпы роста и снижения соответственно

Источник: база данных муниципальных образований Росстата.

Fig. 1. Growth rates of shipment of of goods, works and services in 2020

Green color reflects growth, red color reflects decline. A darker shade reflects higher growth and decline rates, respectively. respectively

Source: Rosstat's database of municipal entities.

При этом распределение шоковых воздействия по муниципалитетам региона представляет собой достаточно пеструю картину, не позволяющую выявить пространственную закономерность (рис. 1 и 2). Неравномерной была реакция и условного «центра» и условной «периферии» области. Также трудно визуально выделить обширные пространственные кластеры с близкими показателями динамики в эти годы.

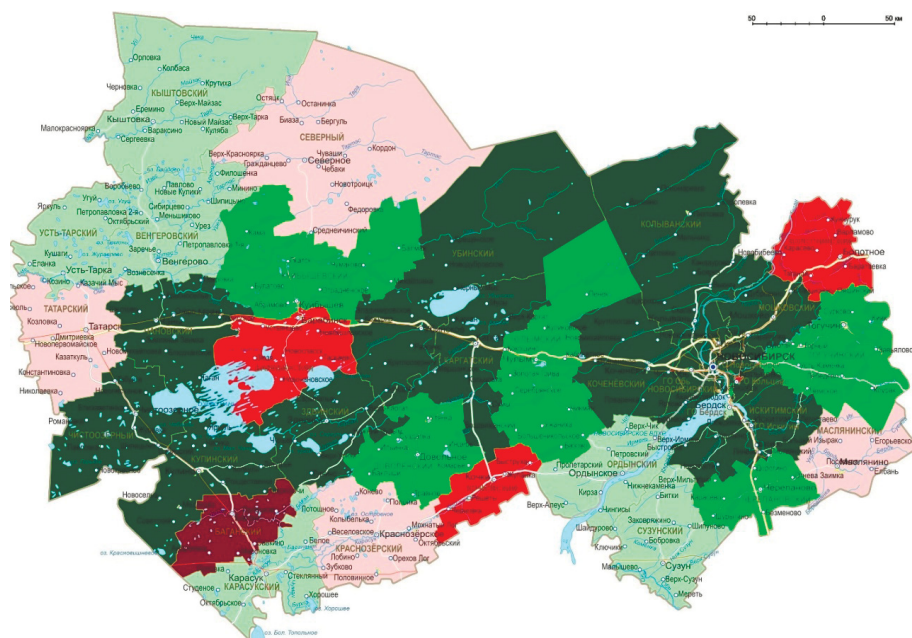

Рис. 2. Темпы роста отгрузки товаров, выполнения работ и услуг в 2022 г.

Зеленый цвет отражает рост, красный – снижение. Более темный оттенок отражает более высокие темпы роста и снижения соответственно

Источник: база данных муниципальных образований Росстата.

Fig. 2. Growth rates of goods works and services in 2022

Green colour reflects growth, red colour – decline. Darker shades reflect higher growth or decline rates, respectively

Source: Rosstat database of municipalities.

Поэтому были проведены оценки корреляции темпов роста выпуска товаров и услуг со структурными и пространственными характеристиками развития территорий. Предполагалось, что благодаря расширению внутренней базы маневрирования, лучшую устойчивость к шокам проявляют экономики большего размера, индикатором которого выступала среднесписочная численность занятых. Отраслевая структура экономической активности задает встроенность в кооперационные цепочки и степень зависимости от внешних поставок, в этой связи выделялись обрабатывающая промышленность и традиционные сферы деятельности, включающие сельское хозяйство и добычу полезных ископаемых. Для оценки доступности и размера рынков области за пределами муниципалитета был скон-

струирован показатель рыночного потенциала, который отражает потенциальную зависимость от внешних партнерских связей. Возможности перераспределения выгод и издержек шоков дают также концентрация деловой активности и ресурс разнообразия, которые отражаются плотностью населения, городским статусом и принадлежностью к городской агломерации. Оценки корреляции темпов роста выпуска товаров и услуг с приведенными характеристиками территории, а также результаты тестирования их статистической значимости приведены в табл. 3.

Единственной статистически значимой является связь темпа роста в 2022 г. с фактом принадлежности к Новосибирской городской агломерации. Коэффициент корреляции является положительным, что говорит о том, что центр деловой активности области, который представляет собой Новосибирскую городскую агломерацию и ее ближайшее окружение, продемонстрировал в среднем лучшие показатели устойчивости. Отсутствие значимых связей с другими экономическими, структурными и институциональными характеристиками муниципалитетов говорит о том, что важную роль в компенсации кризисных явлений играли субъективные факторы, такие как личная инициатива, предприимчивость и креативность населения и руководителей местных органов власти.

Интересным наблюдением является то, что значительная часть муниципальных образований, показавших падение производства и относительно низкую устойчивость к шоку пандемии коронавируса, демонстрировала более динамичное развитие в начале второй волны санкций (см. табл. 1). Связь темпов роста в 2020 и 2022 гг. приведена на рис. 3, на графике отчетливо прослеживается отрицательная зависимость, чем ниже темпы роста в 2020 г., тем они выше в 2022 г., соответствующий коэффициент корреляции равен $-0,28$ и является статистически значимым при 10%-м уровне риска. Это говорит в пользу предположения о зависимости адаптационных возможностей территорий от причин и условий внешних шоков, а гипотеза об универсальной устойчивости муниципалитетов не находит подтверждения.

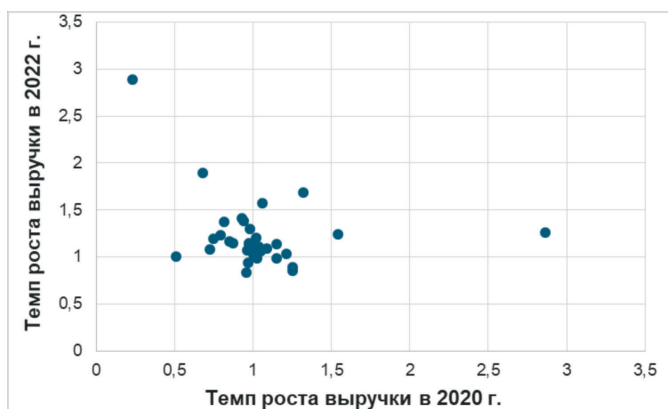

Рис. 3. Связь темпов роста выручки муниципальных образований в 2020 и 2022 гг.

Источник: расчеты автора.

Fig. 3. Relationship of municipal revenue growth rates in 2020 and 2022

Source: author's calculations.

Таблица 3

Корреляция темпов роста выпуска товаров и услуг с характеристиками развития муниципальных образований

Table 3

Correlation of growth rates of goods and services output with characteristics of municipal entities' development

Показатель	2020 к 2019 г.		2022 к 2021 г.		2021 к 2019 г.		2023 к 2021 г.	
	К-т	P-value	К-т	P-value	К-т	P-value	К-т	P-value
Занятость	–0,027	0,877	–0,040	0,821	–0,009	0,957	0,020	0,907
Плотность населения	–0,040	0,818	–0,088	0,616	0,023	0,898	0,087	0,621
Рыночный потенциал	–0,013	0,941	0,004	0,981	0,108	0,537	–0,001	0,997
Доля обрабатывающей промышленности	–0,122	0,486	0,173	0,321	–0,009	0,012	0,051	0,770
Доля сельского хозяйства и добывающей промышленности	0,135	0,438	0,052	0,768	0,078	0,011	–0,223	0,199
Статус городского образования	–0,033	0,850	–0,101	0,564	0,051	0,771	0,144	0,411
Принадлежность к Ново-сибирской агломерации	–0,150	0,389	0,336**	0,048	0,026	0,882	–0,010	0,954

Источник: расчеты автора.

Восстановление деловой активности муниципалитетов после шоков 2020 и 2022 годов

Оценка восстановления экономики после шока проводилась на основе сравнения дошокового и постшокового уровня деловой активности. Предполагалось, что период, необходимый для преодоления кризисных явлений, составляет один год, и соответственно рассчитывался и анализировался темп роста отгрузки товаров собственного производства, выполнения работ и услуг собственными силами за периоды 2019–2021 гг. и 2021–2023 гг. Состояние в 2019 и 2021 гг. рассматривалось как дошоковое, показатели 2020 и 2022 гг. давали оценку реакции на шок, ситуация в 2021 и в 2023 гг. характеризовала степень восстановления после кризиса.

Адаптация к условиям после пандемии коронавируса прошла достаточно успешно в Новосибирской области, реализация продукции в 2021 г. выросла почти на 20 п.п. В 2023 г. после года работы в условиях санкций рост экономической активности в области составил несколько меньше 5 п.п. (см. табл. 2). Несмотря на отсутствие падения производства в 2022 г., когда была запущена вторая волна санкций, общий рост выпуска за период 2021–2023 гг. в регионе составил 7,4 %. Восстановление же после пандемии коронавируса было более успешным, падение производства в 2020 г. было компенсировано активным ростом в следующем году, темп роста за 2019–2021 был 13,9 %. Очевидно, важным фактором было то, что после пандемии сохранялась возможность восстановления наработанных внешних взаимодействий и поставок, санкции же 2022 г. кардинально изменили структуру и издержки кооперационных связей и потребовали существенной работы по поиску новых партнеров и организации платежей.

Восстановление экономик отдельных муниципальных образований области, так же как и реакция на шок, было крайне неоднородным. В постпандемийный год уровень деловой активности по отношению к 2019 г. изменялся от 27 до 407 %, в 2023 г. отношение к выпуску 2021 г. варьировалось от 82 до 340 %. Воздействие ограничений, связанных с коронавирусом, было более сильным по сравнению с санкциями 2022 г. не только с точки зрения сокращения выпуска, но и по уровню гетерогенности компенсационного отклика на шок. Оценка связи степени восстановления докризисного уровня с особенностями экономик муниципалитетов не выявила статистически значимых корреляций (см. табл. 3).

Картина распределения уровня восстановления деловой активности по территории области после пандемии и после санкций 2022 г. является довольно пестрой и не позволяет выявить устойчивых пространственных закономерностей (рис. 4 и 5). Однако можно отметить, что территории сосредоточения экономической активности области, входящие в ядро Новосибирской агломерации, не показывали самые высокие темпы восстановления и роста после начала крупномасштабных санкций 2022 г. Более динамичный рост был характерен для многих периферийных территорий. Рост общей экономической активности в области в 2023 г. запустил источники развития отдаленных муниципалитетов.

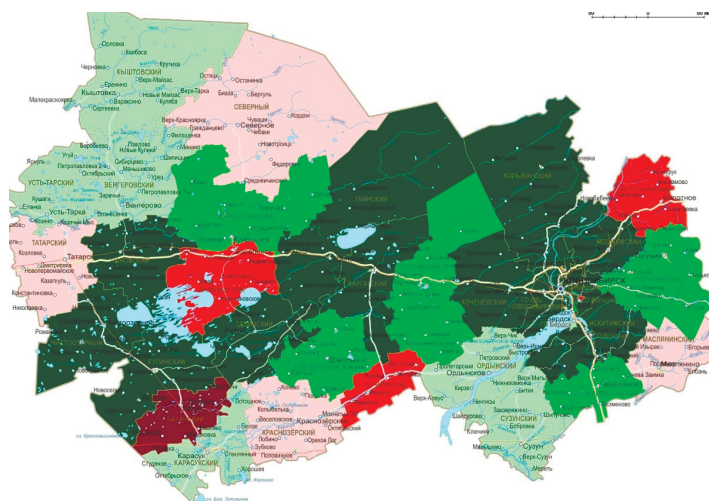

Рис. 4. Темпы роста отгрузки товаров, выполнения работ и услуг в 2021 по сравнению с 2019 г. Зеленый цвет отражает рост, красный – снижение. Более темный оттенок отражает более высокие темпы роста и снижения соответственно

Источник: база данных муниципальных образований Росстата.

Fig. 4. Growth rate of shipment of goods, works and services in 2021 compared to yr. 2019. Green colour reflects growth, red – decrease. A darker shade reflects higher growth and decline rates, respectively

Source: Rosstat's database of municipalities.

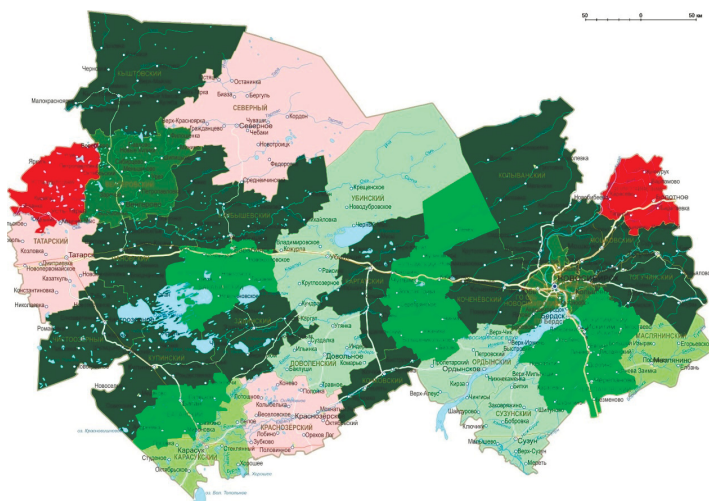

Рис. 5. Темпы роста отгрузки товаров, выполнения работ и услуг в 2023 г. по сравнению с г. 2021 г. Зеленый цвет отражает рост, красный – снижение. Более темный оттенок отражает более высокие темпы роста и снижения соответственно

Источник: база данных муниципальных образований Росстата.

Fig. 5. Growth rate of shipment of goods, works and services in 2023 vs. 2021. Green colour reflects growth, red – decrease. A darker shade reflects higher growth and decline rates, respectively

Source: Rosstat database of municipalities.

Как и в случае непосредственной реакции, в кризисный год корреляция уровней восстановления экономической активности к 2021 г. и к 2023 г. является отрицательной (табл. 4, рис. 6), что еще раз подтверждает, во-первых, отсутствие универсальных адаптационных свойств, и, во-вторых, асимметричность отклика на пандемию 2020 г. и на санкции 2022 г. у муниципалитетов Новосибирской области.

Таблица 4

Темпы роста отгрузки товаров и выполнения услуг в 2021 г.
по отношению к 2019 г. и в 2023 г. по отношению к 2021 г.

Table 4

Growth rates of goods shipment and fulfilment of services in 2021 vs. 2019
and in 2023 vs. 2021

Регионы с показателями восстановления к 2021 г. по сравнению с 2019 г. лучше среднерегиональных (1,17)		Регионы с показателями восстановления к 2023 г. по сравнению с 2021 г. хуже среднерегиональных (1,37)
1		2
город Бердск – 1,38 рабочий поселок Кольцово – 1,53 Болотнинский муниципальный район – 1,21 Искитимский муниципальный район – 1,25 Краснозерский муниципальный район – 1,77 Маслянинский муниципальный район – 1,22 Новосибирский муниципальный район – 1,59 Ордынский муниципальный район – 1,38 Татарский муниципальный район – 1,28 Убинский муниципальный район – 1,03 Усть-Тарковский муниципальный район – 1,50	совпадение	город Бердск – 1,22 рабочий поселок Кольцово – 1,07 Болотнинский муниципальный район – 0,82 Искитимский муниципальный район – 1,27 Краснозерский муниципальный район – 1,00 Маслянинский муниципальный район – 1,13 Новосибирский муниципальный район – 1,31 Ордынский муниципальный район – 1,05 Татарский муниципальный район – 0,93 Убинский муниципальный район – 1,04 Усть-Тарковский муниципальный район – 0,85
город Искитим – 1,25 Здвинский муниципальный район – 4,07 Колыванский муниципальный район – 1,72	различие	город Новосибирск – 1,36 Баганский муниципальный район – 1,22 Барабинский муниципальный район – 1,28

Продолжение табл. 4

1		2
Чановский муниципальный район – 1,59	различие	Венгеровский муниципальный район – 1,33 Доволенский муниципальный район – 1,06 Карасукский муниципальный район – 1,19 Северный муниципальный район – 0,99 Сузунский муниципальный район – 1,09 Черепановский муниципальный район – 1,20 Чулымский муниципальный район – 1,24
Регионы с с показателями восстановления к 2021 г. по сравнению с 2019 г. хуже среднерегionalных (1,17)		Регионы с с показателями восстановления к 2023 г. по сравнению с 2021 г. лучше среднерегionalных (1,37)
город Обь – 1,11 Каргатский муниципальный район – 0,92 Коченевский муниципальный район – 0,27 Кочковский муниципальный район – 0,88 Куйбышевский муниципальный район – 1,17 Купинский муниципальный район – 0,79 Кыштовский муниципальный район – 0,49 Мошковский муниципальный район – 1,17 Тогучинский муниципальный район – 1,08 Чистоозерный муниципальный район – 0,93	совпадение	город Обь – 1,47 Каргатский муниципальный район – 1,67 Коченевский муниципальный район – 3,40 Кочковский муниципальный район – 1,95 Куйбышевский муниципальный район – 1,70 Купинский муниципальный район – 1,67 Кыштовский муниципальный район – 1,98 Мошковский муниципальный район – 1,58 Тогучинский муниципальный район – 1,77 Чистоозерный муниципальный район – 1,68
город Новосибирск – 1,18 Баганский муниципальный район – 0,90 Барабинский муниципальный район – 0,85	различие	город Искитим – 2,15 Здвинский муниципальный район – 1,51 Колыванский муниципальный район – 1,52

Окончание табл. 4

1		2
Венгеровский муниципальный район – 0,92	различие	Чановский муниципальный район – 1,65
Доволенский муниципальный район – 1,05		
Карасукский муниципальный район – 1,01		
Северный муниципальный район – 0,90		
Сузунский муниципальный район – 1,05		
Убинский муниципальный район – 1,03		
Черепановский муниципальный район – 1,16		
Чулымский муниципальный район – 1,14		

Источник: база данных муниципальных образований Росстата.

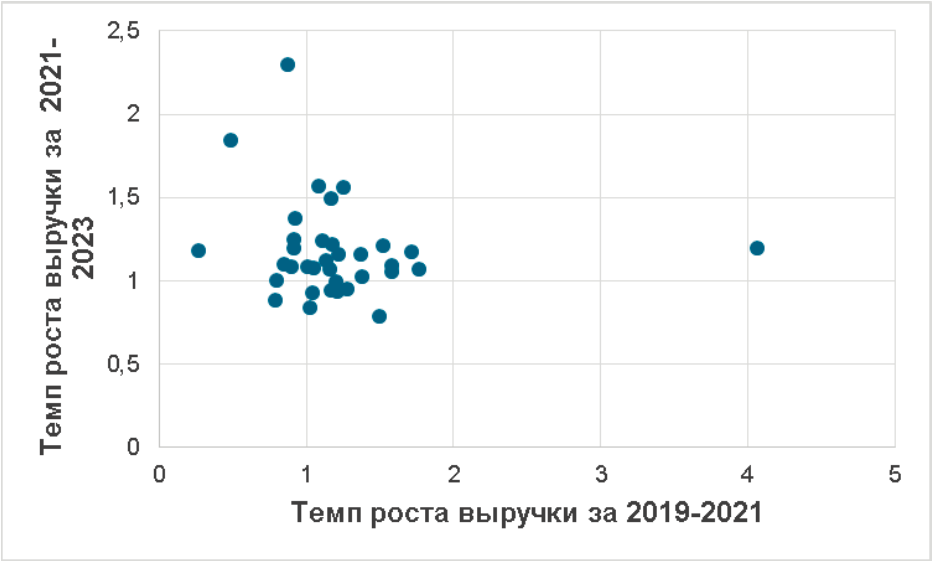

Рис. 6. Связь уровня восстановления выручки муниципальных образований в 2021 и 2023 гг. по отношению к докризисному уровню

Источник: расчеты автора.

Fig. 6. Relation of the level of municipal revenue recovery in 2021 and 2023 relative to pre-crisis levels
Source: author's calculations.

Обсуждение результатов и выводы

Причины разнонаправленной реакции муниципальных образований Новосибирской области на шоки пандемии и второй волны антироссийских санкций, очевидно, связаны с их особенностями. Ограничения, введенные в России в 2020 г. из-за коронавируса, вызвали временную остановку многих предприятий и тотальные осложнения в кооперационных поставках, включавших и международные и внутрироссийские взаимодействия. Тенденция к глобализации хозяйственных связей и к узкой специализации, встраивание в цепочки создания готового продукта лишь отдельными функциями, процессами или полуфабрикатами была неожиданно прервана. Объективная и субъективная неготовность к новым обстоятельствам была гораздо выше в начале пандемии, когда были введены жесткие ограничения на всякие коммуникации, чем в случае второй волны санкций 2022 г. Поэтому пандемия COVID-19 оказала более сильное краткосрочное негативное влияние и распространялась на большую часть муниципалитетов региона, в них наблюдалось абсолютное падение выпуска товаров и услуг.

Санкции же, начавшиеся в 2022 г., в отличие от глобального кризиса пандемии, имели не такой широкий охват, затронули международную торговлю не со всеми странами, были дифференцированы по секторам, предприятиям и продуктам и оставляли открытыми для сотрудничества местных поставщиков. Кроме того, режимы международных санкций и механизмы российских антисанкций не являлись совершенно новыми и отрабатывались уже в течение определенного времени. В результате адаптация к санкционным барьерам для ряда российских предприятий означала рост внутреннего спроса, расширение объемов и географии кооперационных связей внутри страны и улучшение конкурентных позиций на локальном рынке. В 2022 г. только для 7 муниципалитетов зафиксировано падение выручки, у остальных 28 наблюдался рост.

Но замещение импорта и поиск альтернативных направлений экспорта зачастую представляется трудным и не всегда успешным процессом, имеющим разные темпы продвижения и реализации, как по видам деятельности, так и в пространственном измерении [12]. Реакция на санкции, уязвимость к технологическому эмбарго и к изменению торговых маршрутов, восприимчивость к государственной поддержке сильно различались по видам деятельности и по муниципальным образованиям [13–15]. Система национальных проектов, государственный заказ, федеральная помощь, дотации и субсидии регионального правительства были направлены на компенсацию основных потерь и способствовали росту отдельных предприятий и адаптации их к санкциям.

В этой связи восстановление деловой активности после кризиса, вызванного пандемией, проходило успешнее, чем после санкций 2022 г., так как деловая среда изменилась не так сильно. Условия работы бизнеса в постсанкционный период были гораздо менее благоприятными по сравнению с постковидными, что накладывало более жесткие ограничения на восстановление и рост экономики. Пандемия COVID-19 не только стимулировала развитие внутренних партнерских связей, она создала спрос и раскрыла новые рынки в сфере дистанционных сервисов и новых видов услуг многих секторов: торговли, общественного питания, образования, медицины и финансов. Поэтому восстановление и рост экономики после системного шока 2020 г. были существенно более активными по сравнению с шоком 2022 г.

Асимметричность реакции значительной части муниципальных образований Новосибирской области на последовательные системные шоки 2020 и 2022 гг. можно объяснить тем, что пандемия COVID-19 тоже поставила вопрос о поиске альтернативных партнеров, диверсификации кооперационных связей и пересмотре модели бизнеса. Необходимость в разработке более устойчивой к внешним воздействиям стратегии развития, как на микроуровне, так и на уровне муниципального образования, осознавалась в большей мере там, где отрицательные последствия пандемии коронавируса ощущались сильнее. Нарботанные адаптационные механизмы, апробированные во время коронавируса за два года до санкций, были привлечены и задействованы после введения новых санкций, что смягчило немедленный эффект от наложенных ограничений. В этих обстоятельствах востребованным является ресурс федерализма и децентрализации, так как позволяет формировать отклик на внешний шок, адаптированный в максимальной степени к локальным условиям и особенностям.

Список литературы

1. **Зубаревич Н. В.** Регионы России в период пандемии: социально-экономическая динамика и доходы бюджетов // Журнал НЭА. 2021. № 3 (51). С. 208–218. DOI: 10.31737/2221-2264-2021-51-3-10.
2. **Жихаревич Б. С., Климанов В. В., Марача В. Г.** Шокоустойчивость территориальных систем: концепция, измерение, управление // Региональные исследования. 2022. № 3. С. 4–15. DOI: 10.5922/1994-5280-2020-3-1
3. **Кузнецова О. В.** Трансформация пространственной структуры экономики в кризисные и посткризисные периоды // Регион: экономика и социология. 2022. № 2 (114). С. 33–57. DOI: 10.15372/REG2022020
4. **Песоцкий А. А.** Экономический шок и шокоустойчивость (сопротивляемость): взаимосвязь понятий // Теория и практика общественного развития. 2021. № 8. С. 55–60. DOI: 10.24158/tipor.2021.8.8
5. **Акбердина В. В.** Факторы резильентности в российской экономике: сравнительный анализ за период 2000–2020 гг. // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2021. Т. 17. № 8. С. 1412–1432. DOI: 10.18334/err.10.12.111478
6. **Высоцкий С. Ю.** Экономическая резильентность территорий: теоретическое обоснование и применение // Финансы и бизнес. 2022. Т. 18. № 2. С. 3–21.
7. **Смординская Н. В., Катуков Д. Д.** Распределенное производство в условиях шока пандемии: уязвимость, резильентность и новый этап глобализации // Вопросы экономики. 2021. № 12. С. 21–47. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-12-21-47
8. **Дементьев В. Е.** О способности регионов адаптироваться к разным внешним шокам // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17. № 3. С. 36–49. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.2
9. **Михеева Н. Н.** Устойчивость российских регионов к экономическим шокам // Проблемы прогнозирования. 2021. № 1. С. 116–118. DOI: 10.47711/08686351-184-106-118

10. **Михеева Н. Н.** Устойчивость экономики российских регионов к внешним шокам: оценка на основе оперативной информации // Научные труды. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2023. № 1. С. 151–174. DOI: 10.47711/2076-3182-2023-1-151-174
11. **Малкина М. Ю.** Стресс реального сектора российских регионов в условиях пандемии и санкций // Экономика региона. 2024. № 1. С. 16–32. DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-1-2
12. **Редькина Е. М.** Импортозамещение в туристской индустрии России: проблемы и перспективы // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 10. С. 57–60. DOI: 10.24158/per.2022.10.8
13. **Земцов С. П., Барина В. А., Михайлов А. А.** Санкции, уход иностранных компаний и деловая активность в регионах России // Экономическая политика. 2023. Т. 18. № 2. С. 44–79. DOI: 10.18288/1994-5124-2023-2-44-79
14. **Земцов С. П.** Санкционные риски и региональное развитие (на примере России) // Балтийский регион. 2024. Т. 16. № 1. С. 23–45. DOI: 10.5922/2079-8555-2024-1-2
15. **Зубаревич Н. В.** Регионы России в конце 2023 г.: удалось ли преодолеть кризисный спад? // Вопросы теоретической экономики. 2024. № 1 (22). С. 34–47. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_1_34_47

References

1. **Zubarevich N. V.** Regions of Russia during the pandemic: socio-economic dynamics and budget revenues. *NEA Journal*, 2021, no. 3 (51), pp. 208–218. DOI: 10.31737/2221-2264-2021-51-3-10 (in Russ.)
2. **Zhiharevich B. S., Klimanov V. V., Maracha V. G.** Shock resistance of territorial systems: concept, measurement, management. *Regional studies*, 2022, no. 3, pp. 4–15. DOI: 10.5922/1994-5280-2020-3-1 (in Russ.)
3. **Kuznecova O. V.** Transformation of the spatial structure of the economy in crisis and post-crisis periods. *Region: Economics and Sociology*, 2022, no. 2 (114), pp. 33–57. DOI: 10.15372/REG2022020 (in Russ.)
4. **Pesockij A. A.** Economic shock and shock resistance: the relationship of concepts. *Theory and practice of social development*, 2021, no. 8, pp. 55–60. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2021.8.8> (in Russ.)
5. **Akberdina V. V.** Factors of resistance in the Russian economy: a comparative analysis for the period 2000-2020. *National interests: priorities and security*, 2021, vol. 17, no. 8, pp. 1412–1432. DOI: 10.18334/epp.10.12.111478 (in Russ.)
6. **Vysockij S. Yu.** Economic resilience of territories: theoretical justification and application. *Finance and Business*, 2022, vol. 18, no. 2, pp. 3–21. (in Russ.)
7. **Smorodinskaya N. V., Katukov D. D.** Distributed production in the context of a pandemic shock: Vulnerability, Resilience and a new stage of globalization. *Economic issues*, 2021, no. 12, pp. 21–47. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-12-21-47> (in Russ.)
8. **Dement'ev V. E.** On the ability of regions to adapt to various external shocks. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, 2024, vol. 17, no. 3, pp. 36–49. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.2 (in Russ.)

9. **Miheeva N. N.** The resilience of Russian regions to economic shocks. *Problems of forecasting*, 2021, no. 1, pp. 116–118. DOI: 10.47711/0868 6351-184-106-118 (in Russ.)
10. **Miheeva N. N.** The stability of the economy of Russian regions to external shocks: an assessment based on operational information. *Scientific works. Institute of National Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences*, 2023, no. 1, pp. 151–174. DOI: 10.47711/2076-3182-2023-1-151-174 (in Russ.)
11. **Malkina M. Yu.** The stress of the real sector of the Russian regions in the context of a pandemic and sanctions. *The economy of the region*, 2024, no. 1, pp. 16–32. DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-1-2 (in Russ.)
12. **Red'kina E. M.** Import substitution in the Russian tourism industry: problems and prospects. *Society: Politics, economics, law*, 2022, no. 10, pp. 57–60. DOI: 10.24158/pep.2022.10.8 (in Russ.)
13. **Zemcov S. P., Barinova V. A., Mihajlov A. A.** Sanctions, withdrawal of foreign companies and business activity in the regions of Russia. *Economic policy*, 2023, vol. 18, no. 2, pp. 44–79. DOI: 10.18288/1994-5124-2023-2-44-79 (in Russ.)
14. **Zemcov S. P.** Sanctions risks and regional development (on the example of Russia). *The Baltic region*, 2024, vol. 16, no 1, pp. 23–45. DOI: 10.5922/2079-8555-2024-1-2 (in Russ.)
15. **Zubarevich N. V.** Russian regions at the end of 2023: has the crisis recession been overcome? *Questions of theoretical economics*, 2024, no. 1 (22), pp. 34–47. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_1_34_47 (in Russ.)

Сведения об авторе

Коломак Евгения Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора по научной работе
SPIN-РИНЦ: 3414-7620
Researcher ID: AAZ-7982-2021
Scopus Author: ID 46461533700

Information about the Author

Evgeniya Anatolievna Kolomak, Doctor of Economics, Professor, Deputy Director for Scientific Work
SPIN-RSCI: 3414-7620
Researcher ID: AAZ-7982-2021
Scopus Author ID: 46461533700

*Статья поступила в редакцию 30.09.2024;
одобрена после рецензирования 20.10.2024; принята к публикации 20.10.2024*

*The article was submitted 30.09.2024;
approved after reviewing 20.10.2024; accepted for publication 20.10.2024*